

Жена АВТОРИТЕТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Екатерина Ромеро

18+

Приват для Крутого

Екатерина Ромеро

Жена авторитета

«Автор»

2026

Ромеро Е.

Жена авторитета / Е. Ромеро — «Автор», 2026 — (Приват для Крутого)

Пять лет я называла его мужем. Пять лет верила, что Руслан оставил криминал в прошлом и стал заботливым мужем. Пока однажды он не исчез. И я пошла за ним чтобы попасть в кошмар, из которого когда-то сбежала. Только теперь Руслан Власов не преступник с улиц, а офицер в этом аду. Он ломает судьбы. Он ломает людей! И теперь я — одна из них. Его пленница. Его новая жертва. #похищение и плен#большая разница а возрасте#измена, очень откровенно, больно#властный, отбитый на всю жесткий герой В книге присутствуют: Савелий Крутой, доктор Игорь, Ганс, Рустам Шахов и др. ОДНОТОМНИК! Герои совершеннолетние

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24

Екатерина Ромеро

Жена авторитета

Глава 1

— Аля, где Руслан?

— Не знаю, Тимош. Скоро должен приехать.

Смотрю на часы. Одиннадцать вечера. Руслан не звонил весь день и трубку не брал тоже. Такого раньше никогда не было, и этот месяц Он все чаще пропадает и несколько раз не ночевал дома.

У него кто-то есть? Я не знаю – возможно, у него проблемы на работе, мой муж – бизнесмен, мы давно закрыли дверь в прошлую жизнь, плохое больше не вернется. Смотрю на младшего брата. Я забрала его из детского дома, когда ему было три. Мы с Русланом, точнее. Муж усыновил Тимошу и воспитывает его как собственного ребенка.

Общих детей за пять лет брака у нас так и не появилось, и я все больше боюсь затрагивать эту тему. Что во мне не так, не знаю. У всех наших знакомых малыши уже есть, у некоторых даже по двое, а у нас никого, кроме Тимоши. Чувствую себя какой-то не такой, неполноценной, что ли.

— Тимош, ложись спать. Руслан на работе задерживается.

Ловлю обиженный взгляд брата, обеспокоенность. Снова не дождался. Да что же там такое?

— Аля, что-то не так? — спрашивает осторожно Тим. Пять лет прошло, он не помнит, конечно, всего, но отголоски того, что было, иногда проскальзывают.

Как маленькие лезвия в его осторожности, в том, что Тимофей всегда проверяет, закрыты ли двери. Только когда Руслан дома, он спокоен – собственно, и я тоже.

Я привыкла, что муж всегда возвращается на ночь домой. Каким бы занятым Руслан ни был, мы всегда ужинаем вместе, но только не сегодня. Он не берет трубку, у него все время занято, и это меня беспокоит.

— Нет, конечно. Тимош, у Руслана просто много дел. Все нормально, правда. Иди ложись спать. Завтра в школу рано.

— Ладно. Спокойной ночи, Аль.

— Спокойной ночи, родной.

Тимофей у нас в третьем классе. Он уже здорово подросток, но все равно еще ребенок. И я чувствую за него ответственность, ведь у Тимки, кроме меня и Руслана, никого нет. Давно уже.

— Руслан где ты? Перезвони, я переживаю, – говорю вслух, чтобы успокоить себя. Скорее всего, он потерял телефон и у него сломалась машина. Да, вероятно, это, не может быть другой причины просто.

Беру подушку и забираюсь в кровать. Мы живем в этом доме пять лет, и это наше пристанище. Тут всегда тихо и светло, уютно. Это наш остров, как мы его всегда называли, остров спокойствия, где мне хорошо.

Но только с Русланом, а сейчас моего мужа где-то носит, и я готова прибить его, как только он вернется в дом.

Обхватываю пушистую подушку и прижимаю ее к себе. Уснуть без мужа не получается, за окном начинает стучать дождь.

Снова и снова набираю Власову. Сначала у него занято, а после абонент и вовсе становится недоступным. В этот момент я еще слишком наивна и, конечно, не думаю плохого. Он

пробил колесо и стоит где-то у шиномонтажки, чинит. Утром я все ему выскажу, особенно то, как мне одиноко спать тут одной.

— Аль, доброе утро! Вставай. Время. Или я не иду сегодня в школу?

Тимка заглядывает в нашу комнату. Я так и спала в одежде, с телефоном в руках. Смотрю на часы. Полдевятого. Блин.

— Идешь, конечно! Бегом на кухню – завтракать!

Быстро спохватываюсь и готовлю малому завтрак на скорую руку. Себе завариваю кофе.

— А Руслан так и не приехал?

Тимка на ходу грызет сырники, когда я уже стою в дверях с рюкзаком.

— Он позже придет. Машина, наверное, сломалась.

Или совесть у него сломалась, даже не перезвонил.

— Ясно. Ну ладно, я пошел.

Подхожу и помогаю надеть брату тяжеленный рюкзак. Целую в щеку и поправляю форму.

— Все, Тимка, иди.

— Я люблю тебя.

— Люблю тебя тоже. Набери сегодня пятерок.

Улыбаюсь, провожая мелкого в школу. Каждое утро так делаю, и мне не надоедает. Он мог оказаться в другой семье, мог остаться в детском доме. Все могло сложиться вообще по-другому, но Руслан помог мне. Несмотря на детали нашего, хм, знакомства, все изменилось. Теперь Руслан во всем мне помогает. Всегда.

Остаюсь дома одна, я не так давно закончила учебу на дизайнера, но пока не нашла работу. Мы живем в достатке, Руслан сказал, чтобы я училась, и я училась. Только после замужества у меня впервые в жизни появилась возможность посвящать время себе, а не думать только о том, как заработать.

Пока никого дома нет, решаю затеять уборку, но дурные мысли не покидают голову. Что-то не так. Уже двенадцать дня, а он даже не перезвонил, не написал смску. Он никогда так не делал, никогда.

Выхожу на веранду, сегодня свежо после дождя. Ставлю кофе на большой деревянный стол. Здесь уютно, мягкие кресла, качели, цветы – наше излюбленное место. И тихо так после грозы, но небо черное. Какая-то глупая ворона пролетает так низко над двором, издавая истошное карканье.

Внезапно слышу звук подъезжающей машины и тут же спохватываюсь. Это муж.

Щелкают ворота, я поднимаюсь и вижу Руслана. Высокий, большой, с военной выправкой, крепкий. В черной кожаной куртке и джинсах. Он быстро мажет по мне строгим взглядом.

На сердце сразу спокойнее. Я рада его видеть.

Сладкое томление ощущается внизу живота. Я соскучилась по нему всего за сутки.

— Привет, Рус.

Хочу было подойти к нему и поцеловать, но Руслан выставляет вперед руку, останавливая меня.

— Не надо, Аля.

Впервые не поцеловал, не прижал к себе. А это больно. Ладно, может, он устал, а тут я. Может, еще что-то. Ничего.

— У тебя сломалась машина? — спрашиваю, когда он подходит ко мне. В руках какая-то папка, которую Руслан кладет на стол передо мною.

— У меня не сломалась машина.

Глотаю обиду, но не подаю виду. Мало ли что. Ничего.

— Мог и позвонить, если у тебя проблемы. Я волновалась. И Тимоша тоже.

Руслан молчит. Сканирует меня глазами, черными как ночь. У него на шее проглядывает тату, и я невольно обхватила себя руками. Не люблю, когда он такой серьезный. Не по себе мне становится.

Его черные волосы зачесаны назад, на лице трехдневная щетина. Прямой нос, жесткие губы, четкие скулы, волевой подбородок. Мне нравится его разглядывать, за эти пять лет он не сильно изменился, разве что на висках появились серебристые проблески.

— Поставь сюда свою подпись.

Кивает на папку, беру ее и осторожно открываю.

Пробегаюсь глазами по буквами и не понимаю ничего.

Перечитываю снова и не верю. Нет. Ошибка? Да просто ерунда, хотя живот тут же скрывает стальным обручем.

— Что это?

— Это документы на развод.

Стою и смотрю на него, пошевелиться не способна. Кажется, мне это послышалось, но нет.

— В смысле?

— В прямом. Я развожусь с тобой, Аля. Мне не нужна такая жена, как ты, больше.

И все. Меня понесло, ноги подкосились. Я едва удерживаю равновесие, потому что это больно. А я была уверена, что Руслан Власов больше ни за что в жизни не сделает мне больно, но он сделал. Снова.

Глава 2

У нас не было ухаживаний и конфетно-букетного периода, но после свадьбы и усыновления Тимоши все изменилось. Руслан завязал с криминалом и правда стал для меня мужем, а для Тима отцом. Все было нормально, потому теперь, стоя напротив него, я и правда не понимаю.

— Ты что, шутишь? Это не смешно, Руслан!

— Я не шучу. Дом оставляю тебе, я открыл вам счет на жизнь. На первое время хватит. Подпись ставь.

Тыкает пальцем в эту бумажку, а я пытаюсь понять, что происходит. Мой мозг отказывается воспринимать такую правду.

— Ты серьезно? Мы что, поссорились? Что такое, Руслан?

Он смотрит на меня своими черными глазами. Когда я пытаюсь коснуться его руки, отдергивает ее, словно я для него резко стала противной.

— Не трогай меня.

Вижу, как сцепил челюсти, как на строгих скулах заиграли желваки. Ему не нравится. Вон аж передернуло всего.

— Прости. Если я что-то сделала не так, прости, Рус. Я я исправлю это.

— Ты меня не слышишь? Я развожусь с тобой, Аля!

Сглатываю, хватаюсь рукой за край стола. Не падай и не реви. Подожди. Рано.

Как пазл в голове складывается, что Руслан последний месяц часто задерживался. Он даже дома не ночевал.

— У тебя кто-то есть? Другая женщина?

— Это тебя не касается. Подписывай. Живо.

— Я и пальцем не пошевелю, пока ты мне все не пояснишь!

Руслан набирает больше воздуха, а после подходит ко мне вплотную и становится напротив. Я ему едва до груди достаю. Он большой, он старше меня на семнадцать лет, но раньше я не ощущала этой разницы. По крайней мере, не так остро, как сейчас.

— Ты идиотка или просто прикидываешься? Я тебя не люблю давно, ты никто для меня, мы чужие люди!

Слезы наполняют глаза, быстро их вытираю.

— Что? Это правда?

— Правда.

— Это потому, что я родить не смогла, да? Потому, что у нас нет общего ребенка? Скажи!

— Это потому, что я не люблю тебя и никогда не любил. Я пользовался особой, глупая дурочка, а ты просто велась на это, но все имеет свойство заканчиваться, — чеканит каждое слово, а мне больно. Словно он наносит удар.

— Руслан, пожалуйста, не уходи. Давай поговорим. Я если я что-то сделала не так, все решаемо. Не бросай меня! Ты знаешь, что у нас, кроме тебя, никого нет. Я люблю тебя. Очень. Очень сильно, Руслан

Хватаю его за руку, а он резко ее отдергивает. Смотрит так, как и в нашу первую встречу. Словно я для него ничто просто.

— Ты мне больше не нужна, Аля. Я не хочу больше видеть ни тебя, ни твоего щенка в своей жизни. Так понятно?

Боже, Руслан никогда так не говорил о Тимоше, ни разу. Он был нашим общим приемным сыном.

И сейчас Власов не касается меня и пальцем, но словами бьет так больно, наотмашь просто. Меня покачивает, слезы стекают по щекам, а после я хватаю ручку и быстро расписываюсь в документе.

— Да, теперь понятно. Более чем. Мы съедем отсюда с Тимошей. Сегодня же. Оставь себе этот дом и свои счета тоже! Ничего твоего не возьму, не беспокойся.

Руслан смотрит на меня, а после снимает свое обручальное кольцо и оставляет на столе, разворачивается и уходит.

Я же так и стою на месте. Шокированная, не верящая, что все это правда.

Этого не может быть. Этого просто не может.

Хлопнули ворота, он сел в машину и уехал. Я невольно смахнула чашку с кофе рукой. Она свалилась со стола и разбилась в мелкие щепки. Точно так же, как наша семья сейчас. Я думала, она каменная, а она оказалась такой же хрупкой, как и этот фарфор.

У меня разболелось сердце, я едва дохожу до дома. Осколки битой чашки так и остаются валяться на улице. Руки подрагивают, не знаю, кому звонить. Некому. На все случаи жизни у меня был Руслан.

Он мой защитник, мой адвокат, мой судья и спаситель – кто хотите просто. Руслан – моя вселенная, и я люблю его. Мой мозг все еще отказывается верить в то, что все это правда. Как, почему, за что все это?

Кручу в ладони его обручальное кольцо. Золотое, крупное, красивое. Сначала мне хочется выбросить его или хотя бы сжечь, но я не могу. Не могу просто.

Осторожно заворачиваю его в платок и засовываю в карман.

Он одумается, вернется, попросит прощения.

Мы никогда так не ссорились. Да, конечно, были конфликты мелкие, но это все как у всех.

Мы закрыли на семь замков детали нашего знакомства, наш первый "обоюдный" раз и следующий месяц после, в котором я была заложницей криминального авторитета по имени Руслан Власов. Мы никогда после свадьбы больше это не обсуждали и просто перевернули страницу. Мы жили.

А сегодня впервые за долгое время я ощутила, что у меня нет никакой стабильности, а моя размеренная жизнь лопнула, точно мыльный пузырь.

Кому звонить? Рустаму Шахову с Катей? Зачем? У него уже давно дети и семья, у них все хорошо – зачем их беспокоить? Да и какая причина? Руслан просто меня бросил, просто разлюбил.

Подхожу к зеркалу. На меня смотрит заплаканная я. Я не изменилась за годы замужества. Разве что волосы стали длиннее. Фигура чуть сильнее округлилась. Сейчас глаза красные, на щеке неизменная полоска шрама.

Мы все это прошли вместе, я думала, он меня любит дура.

Власов погорячился, что-то случилось, этого просто не может случиться с нами.

Хожу по дому как зомби, смотрю на часы. Пытаюсь позвонить Руслану, наплевав на гордость, но он не берет. С этого момента и дальше его телефон будет всегда вне зоны доступа.

Звоню в банк. На меня открыт огромный счет. Ха, решил откупиться? Или скорее ткнуть мордой в то, что он сам это все заработал, пока я ходила в университет? Хотя он же сам настоял на том, чтобы я училась, Руслан поддерживал меня, или же мне так хотелось в это верить.

— Аля? Что случилось?

Тимоша. Со школы уже вернулся, тогда как я не удосужилась даже приготовить ему обед. У меня руки не поднимаются, ничего просто не могу. Держусь за телефон, точно он мой спасательный маяк.

— Тим, я...

— Что-то с Русланом?

Ловлю во взгляде брата непонимание и крепко прижимаю его к себе.

— Тимош, долго объяснять, но нам придется съехать отсюда.

— Бросить дом? Как, почему?!

— Я потом тебе все расскажу, но сейчас времени мало. Иди собирай вещи. Мы не можем больше оставаться здесь.

Я пока ничего не понимаю, и все кажется дурацким кошмаром, вот только подписанная копия бумаг о разводе не дает мне усомниться, что он все решил сам, а меня просто поставил перед фактом.

В какой момент Руслан разлюбил меня, не знаю. Он мог бы обозвать меня как угодно, сказать что угодно, но только не в сторону Тимофея.

Это уже по больному, ведь он наш – или это тоже только мне так казалось?

Поглядываю на телефон. Никто не звонит и не пишет. Не шутка, не ирония.

Это все чистая правда.

Наспех собираю вещи – свои и брата. Только самое необходимое, немного косметики, обувь, одежда.

Спустя два часа мы с Тимкой покидаем этот дом и уходим в никуда. Я вызываю такси, крепко держа Тимку за руку, и мы уезжаем из нашего дома. Дома, в котором стали не нужны моему мужу.

Глава 3

— Аль, почему Руслан не берет трубку?

— Не знаю.

— Аль, ну почему? Вы что, поссорились, он обидел тебя?

Тимка волнуется, а я высматриваю ближайшую гостиницу. Возможно, не надо было срываться из дома, но он ведь ясно дал понять. Ему больше не нужны ни я, ни Тимофей, и это просто разрывает мне сердце.

— Меня никто не обидел, ты что? Руслан просто уехал в командировку, а мы мы будем к нему ближе. Пока так, Тимка.

— Но ведь в школу так дальше!

— Я что-то придумую.

— На какие деньги? Ты же еще не работаешь.

— Мой маленький финансист, уж как-то разберусь с этим.

Треплю малого по голове, а я сама едва сдерживаю дрожь. Я не была в таком состоянии пять лет и не хочу даже вспоминать об этом. Тогда я, девочка девятнадцати лет, осталась одна, крошечного брата забрали в детский дом, а я искала способ, как выжить.

Руслан считал, что я им пользовалась? Что просто брала его деньги, меняя их на комфорт? Я не знаю, боже, от этих догадок уже болит голова.

В это вечер я не выпускаю телефон из рук, но Руслан не звонит. Ни сегодня, ни завтра, ни следующие полгода. Он исчез из нашей жизни, просто выбросил нас за борт так легко.

Я приезжаю еще несколько раз к нашему дому. Да, не гордая, плевала я на эту дурацкую гордость. Я просто не понимаю. Искренне не понимаю, что я сделала не так.

Лихорадочно прокручиваю в голове последние недели, месяцы даже, все было нормально, либо мне просто так этого хотелось.

У нас не было общих детей, все никак не получалась беременность, но Руслан однажды сказал, что у нас есть Тимоша и ему этого достаточно. А вдруг нет? Вдруг поэтому боже, что мне думать? Я извела себя уже вся.

В доме никто не появлялся, калитка заросла травой, никаких следов – вообще ничего не было. Я заезжала в банк, Руслан действительно оставил мне огромную сумму денег, которой хватило бы на несколько лет безбедной жизни, но, если честно, я боюсь брать оттуда даже копейку. Вот тут уже моя гордость сыграла. Не возьму, не буду, сама заработаю как-то.

Не так, не после того, что он мне тогда сказал. Нельзя, удавлюсь лучше, но счет его не трону. Не мое, не я заработала.

Я перевожу Тимошу в другую школу, ближе к центру, а сама снимаю комнату для нас. После тех условий, в которых мы жили, все очень скромное, но я не тяну деньги со счета. Не нужны мне его поделки, и так проживу. Сама подниму Тимошу, тем более, как выяснилось, он только мой, а не наш общий.

Я устраиваюсь на работу дизайнером, но спустя два месяца меня увольняют, отдав предпочтение другому специалисту, прошедшему по блату.

Нет протектората, нет помощи, и, когда заработанные за это время деньги заканчиваются, я сажусь на кровати, обхватив себя руками.

Я звоню ему каждый день все эти шесть месяцев. Я звонила ему на работу, но никто не знает, куда делся Руслан. Его просто нет, и никто его не видел. Бизнес он продал, машину тоже. Но ведь так не бывает, он не мог просто взять и пропасть. Без причины.

Нет, я не верю. Он говорил мне, что любит. Говорил честно, я верила ему.

И я начинаю анализировать тот наш разговор. Снова уже немного успокоившись. Почему он так сказал? Пусть повторит мне это снова.

— Аль, скажи честно: Руслан бросил нас?

— Я не знаю. Думаю, что нет.

Мы ужинаем на кухне вечером. Тимоша ковыряет вилкой в тарелке. Я стараюсь быть милой и веселой, но даже ребенок уже видит, как паршиво я играю.

— Это из-за меня. Я вам мешал, потому что неродной Руслану. Вы своих детей хотите.

— Нет! Нет, Тимофей! Это НЕ из-за тебя. Даже думать не смей об этом! Мы все для тебя сделаем. Ты наш ребенок, ты мой брат. Это даже не обсуждается! — огрызаюсь, поднимаясь из-за стола. — Прости. Прости, родной. Я просто устала.

— Ты тоже прости. Я так скучаю по Руслану. Он и ты мне ближе всех. Вы моя семья.

— Я знаю, малыш. Я все знаю.

— А если у Руслана другая семья? Аль, что, если он нас предал?

— Он не мог. Не мог просто. Кто угодно, но только не Руслан. И никогда не сомневайся в нем! Все будет хорошо, Тим. Выше нос.

— Ты знаешь, где он?

— Нет, но я обязательно его найду. Если будет нужно, я к самому дьяволу за ним пойду.

И тогда я меняю тактику. Я устраиваюсь официанткой в кафе по вечерам, это дело уж точно знаю прекрасно, а днем ищу Руслана в городе.

Он не мог затеряться, его многие знают, но, как назло, никто не может мне дать ответ. Где мой муж? Куда он делся, есть ли он вообще в городе?

Отчаяние, страх, непонимание. Я не могу его забыть. Я спать без него не могу, я так привыкла к тому, что Власов рядом.

Первые месяцы думала, сойду с ума, и только Тимоша не давал раскисать, нельзя мне.

Ревела в подушку от обиды, но все еще ждала его звонка, встречи и весточки.

Ну, не будь ты таким гордым, просто скажи мне, что ты жив, и я отстану. Два слова, и идиотка Аля больше не будет вас беспокоить, господин Власов. Но не было ничего, и тогда я пошла на последний шаг. Последнюю попытку.

Тимка был в школе, и я воспользовался временем, чтобы вернуться в тот самый клуб, где Руслан меня где мы с ним проходили девять кругов нашего ада.

То же здание, те же декорации, только я теперь другая. Повзрослевшая, пожалуй, пять лет ведь пошло.

Здесь давно новый хозяин, весь новый персонал, даже ремонт сделали.

Я осторожно прохожу внутрь, флешбэки прошлого врезаются в память, но я давлю их на входе.

За барной стойкой пара мужчин, они окидывают меня липким взглядом. Отворачиваюсь, не хочу их видеть, слишком многое было в этом клубе. Я все помню, хоть и стараюсь не вспоминать.

— Извините, пожалуйста, можно задать вопрос? Ловлю официантку.

— Да. Что вы хотели?

— Руслан Власов. Он не появлялся здесь?

— Да, я помню такого, но его очень давно здесь не было. Года четыре точно.

Никто не знает, ни одна живая душа, и, пробыв в клубе еще немного, я выхожу на улицу, но, как только оказываюсь на свежем воздухе, сзади меня кто-то окликает:

— Эй, фифа!

Я оборачиваюсь, но слишком поздно. Их двое, и они быстро надевают мне мешок на голову. Я реагирую, пытаюсь ударить одного из них, но они сильнее.

Мне больно заворачивают руки за спину и связывают их скотчем. Прямо среди белого дня заваливают на асфальт, фиксируя на месте.

Кажется, я ору до срыва связок, а после чувствую невесомость и тухлый багажник машины как свою следующую инстанцию.

Так я попадаю в ад снова. И я сама сюда пришла.

Глава 4

Глухой удар, я не падаю — меня бросают, точно мешок картошки. Кажется, я отключилась и только-только прихожу в себя. И ничего не вижу, мрак, непроглядная тьма, и что-то сильно впивается в глаза и руки.

Хочу закричать и не могу. Ничего не могу, не получается. А дальше хлопок двери машины, они остановились, скрипнули ворота.

Их двое в машине, еще один встречает. Какие-то незнакомые имена, нерусские, чужие.

— Куда ее?

— В общую. Там разберемся, да поживее, время!

— Пошла, пошла! Шевели копытами!

Кто-то грубо стаскивает меня вниз, и я больно плюхаюсь на землю. Ослепшая, дезориентированная, в абсолютном шоке.

— Вставай, курица, не то пристрелю сейчас, живее!

Свет. Настолько яркий, что щиплет глаза. Наконец с меня сняли этот жуткий мешок, грубо толкнули в спину.

Судорожно хватаю носом воздух, рот заклеен скотчем, жжет шрам на щеке, он сейчас горит просто.

Быстро осматриваюсь по сторонам. Мы где-то за городом, одноэтажное большое желтоватое здание, похожее на заброшенную больницу или что-то вроде того. Деревья вокруг, такие высокие ели, и поезд где-то недалеко, то и дело стучат вагоны по рельсам.

— Пошла, коза, не то я за себя не ручаюсь!

Меня сбивают с ног, когда я упираюсь, а после и вовсе хватают за связанные руки и тащат внутрь, согнув почти вдвое. Точно опасную преступницу, тогда как они сами выглядят именно таким образом.

Все в одинаковых черных снаряжениях, коротко стрижены, большие и вооружены до зубов. Охрана, ее здесь так много, она быстро закрывает трехметровые ворота — и все, так я попадаю в самый настоящий ад. От ужаса зуб на зуб не попадает, я продрогла до костей, проходит каких-то секунд пять, прежде чем меня заводят в здание. Коридор, потом еще и еще один, большое помещение, и я просто прихожу в ужас, когда вижу это: десятки девушек! Все преимущественно блондинки, молодые, есть моложе меня.

Они стоят на коленях, связанные так же, как и я. Кто-то плачет, кто-то молчит, кто-то молится. Впереди еще двое боевиков с автоматами. Что это, господи, что это такое

«Тимоша!» — проносится в голове. Он скоро придет, а меня дома нет. Он испугается, я не могу, я просто не имею права.

Боже, какой же дурой я была. Зачем, ну зачем я поперлась в тот клуб, он всегда мне приносил беды, и в этот раз особенно.

— ОТПУСТИТЕ! А-а-а! — одна из девушек как-то сняла повязку со рта и истошно закричала. Все всполошились, а после она упала как подкошенная. Один из боевиков со всей дури ударил прикладом автомата ее по лицу.

Меня мутит. Я вижу, как эта девушка упала. Ей разбили нос, и прямо сейчас она лежит в луже густой крови.

По телу проходит озноб, быстро осматриваюсь по сторонам. На окнах решетки, в углах куча камер, замки на каждой двери, и сами они бронированные.

Это никакая не больница. Возможно, лет тридцать назад была ею, а теперь теперь это тюрьма, хотя я пока еще не понимаю, чем они тут занимаются.

Внезапно мой взгляд падает на молоденькую девушку, ей лет восемнадцать, может, девятнадцать. Она сидит рядом со мной, также связанная. И дрожит точно осинный лист, вздрагивает от каждого шага этих шакалов.

— Шамхан, не порти товар!

— Да эта уже порченная. Дырявая сука!

— Сейчас Сабир придет, сам решит, кто тут порченный. Он отбор ведет, не ты!

Тело пронзает тысячами иголок, сердце пропускает удар, это все не сон. И это никакой не санаторий, как до последнего надеялся мой затуманенный от шока мозг.

Это притон для живого товара, и я тоже стала одним из них. Они тут людей на продажу собирают, как скот, отбирая, кто будет лучше.

В голову ударяют воспоминания, несколько лет назад брата похитили, но тогда Руслан спас его. Он защитил нас, прекратил весь этот кошмар, а теперь я одна, за мной никого больше нет, меня выбросили. Что-то скрипнуло во дворе, я слышу глухие шаги по коридору, тяжелые и уверенные. А после распахивается настежь дверь – и я застываю в шоке от увиденного.

В комнату с похищенными девушками входит высокий мужчина, одетый как боевик. У него густая черная борода, отросшие волосы, пояс с оружием и страшные глаза. Он похож на офицера демонов из преисподней, и что самое жуткое: в этом страшном боевике я с трудом, но все же узнаю своего мужа – Руслана Власова.

Глава 5

Шок, неверие, ужас. Это не он, мне просто показалось. Это мой мозг спутал, нет, конечно, я прожила с Русланом пять лет. Пять чертовых лет мы были женаты, и он не может. Не может просто, розыгрыш, да? В этот момент мне кажется, словно я очень громко ору, но на деле не произношу ни звука.

Нас выстраивают в ряд, двадцать или чуть больше девушек. Все примерно одного возраста, хотя есть совсем молоденькие, еще студентки.

Многие плачут, дрожат, а я как окаменела. Это Руслан? Это правда он? Я жадно всматриваюсь в его жесткое, заросшее щетиной смуглое лицо. Усы и борода, взгляд железобетонный. Глаза впалые, синяки под ними, точно он не спал неделями, и он внешне изменился. Он и раньше был крупным, а сейчас просто как скала. Стал шире в плечах, накачался, я вижу на ладонях какие-то порезы.

Его крепкие ноги облепляет черная роба, форма или спецобмундирование скорее.

На поясе широкий ремень, рация, нож, пистолет. На плече автомат, и это этого просто быть не может, как?!

Не отвожу от него взгляда, но он даже не смотрит на меня. Ни разу не взглянул даже, и хоть я самая крайняя в очереди, просто мимо прошел, не оглянувшись.

Руслан, это я! Это я, твоя Аля...

В жизни не поверю, что он меня не заметил. Руслан не мог не заметить меня.

Мой рот заклеен скотчем, и я мысленно к нему обращаюсь, но он не реагирует. Вообще, точно я пустое место, словно мы не были женаты, а я... а я жадно смотрю на мужа, я скучала, ночи не спала. Переживала.

Да, он меня бросил, но все равно. Не так, не так все должно было быть, никаких толком пояснений. Не нужна – и все, разве так просто? Приручить, а после оторвать, отрезать от себя.

Я искала его, весь город уже перерыла. И нашла. Вот же он, мой муж, – ходит сейчас с заряженным боевым автоматом на плече, и, похоже, Руслан не скучал. От него вообще никакой реакции в мою сторону.

Словно я тень, словно меня вообще для него больше не существует, и это больно. Правда. По живому просто, по голому телу ножом. Мы это тоже проходили.

Он смотрит на эту девушку, которой разбили нос. Она не может встать. Барахтается в луже собственной крови.

— Кто испортил товар?

— Она кричала, Сабир

Его голос. Он стал жестче, более хриплым, низким, а я расклеилась. Слезы потекли по щекам. Ну, посмотри на меня! Это же я, ты что, не видишь? Выпусти меня отсюда, меня Тимка будет дома ждать.

— А-а!

Выстрел. Резкий и точный, в ногу одного из боевиков. В того, кто ударил девушку.

— Ай, собака больно!

Этот боевик с простреленной ногой упал и истошно завыл, из его бедра брызнула ярко-алая кровь. Меня замутило, я отвернулась, я не понимала. Что он делает, зачем, почему? Почему ты все это не остановишь, Руслан-ан! Почему они тебя называют Сабир, откуда это имя, что вообще здесь происходит?

— Заткнись, Ринат. Убери его, Шамхан.

Переступив через раненого, словно это просто кусок мяса, Руслан пошел обратно и внимательно осмотрел всех девушек. И меня тоже. Я кожей ощутила его тяжелый взгляд, хоть он

на мне и не задержался. Ни на секунду дольше, он смотрел на меня как на вазу, словно я ничем для него не выделялась, словно он вообще впервые в жизни видел меня.

— Сколько мест в этот раз, Шамхан?

— Пятнадцать за границу. Остальных по стране распределим.

— Заказчик когда подъедет?

— Обещал в районе двух недель, может, раньше. Надо выбрать лучших, а брак списать.

Списать? Что такое списать? Ручку списать или как? Мой мозг лихорадочно работает, я не понимаю простого. Я отказываюсь вообще понимать, что это не страшный сон, не кошмар, в котором я проснулась, а напротив мой муж боевик, и он он ведь торгует людьми, он их похищает, он с ними.

Я думаю, Руслан сейчас что-то ему скажет, что-то сделает, но он просто молчит, осматривает каждую из девушек. Как скот, как товар какой-то, живой товар.

— Смирно!

Не просьба, он отдает жесткий короткий приказ. Мы выстраиваемся в одну линию.

Руслан выбирает. Кого за границу, а кого списать. Нам развязывают руки, товар должен показать себя полностью.

Он выбирает. Кого-то дергает за волосы, крутит лицо на свету. Кому-то разрезает ножом одежду и смотрит грудь, фигуру.

На кого-то он коротко кивает, и этих девушек быстро подбирают и уводят. Уводят и ту несчастную с разбитым носом, она едва переставляет ноги.

Нас сортируют, точно бройлеров на рынке, и, когда Руслан подходит ко мне, застываю от напряжения.

— Посмотри, какая! Это лучший улов! Голубые глаза, не крашенная, натуральная русая! Сабир, глянь, какая красивая! Как кукла! Я ее дороже всех продам! – кивает этот Шамхан.

Я понимаю по его голосу, что это он заталкивал меня в фургон. Я же теперь стою и пошевелиться не могу. Руслан останавливается напротив меня, такой высокий, крепкий, я едва достаю до его груди.

Он выглядит как какой-то робот, никаких эмоций, жалости, сострадания. И если когда-то при нашем знакомстве он хотя бы ненавидел меня, то теперь, похоже, ему просто плевать. Абсолютно. Он смотрит на меня так же ровно, как и на остальных. Как солдат смотрит, как машина.

А я не могу, сердце разрывается. Слезы покатались по щекам. Любимый мой, забери меня отсюда, Забери!

Я думаю, вот сейчас этот кошмар закончится, но вместо того, чтобы прекратить это все, Руслан резко хватает меня за волосы, заставляя откинуть голову назад. Он обхватывает мое лицо большой ладонью и больно надавливает пальцем на мою скулу. Там шрам, да, пусть после пластики, но он есть, тонкая полоска все равно осталась от виска почти до подбородка.

Я помню, как он держал меня точно так же, нож вспорол щеку легко, прошелся по ней, точно по сливочному маслу. Руслан тогда обвинял меня в страшном, а я боялась за жизнь Тимоши, я не могла ему все сказать.

После он толкнул меня, я упала, и очень быстро потекла кровь из раны. Но тогда Руслан хотя бы смотрел на меня с ненавистью, а не с такой жуткой пустотой и равнодушием, как сейчас. Пожалуй, это даже больнее его пореза. Потому что прямо по сердцу ножом и без анестезии.

Ха, у нас никогда не было никакой анестезии, если честно. Руслан действовал на меня как электрошокер. Очень жестко, больно и навсегда.

Я не шевелюсь, не дышу почти даже, когда он меня касается. Пытаюсь поймать хоть какой-то оклик, жест, подсказку в его глазах, но там лишь чернота. Тьма беспроглядная, болото.

Слезы стекают ему на крупные пальцы, но он не обращает внимания, а я едва стою. Его прикосновение обжигает, ведь я все помню. А ты, ты помнишь, как это было? Мне было девятнадцать, когда ты впервые вломился ко мне домой, обвиняя в том, что я сдала твоих людей и брата. Ты меня ненавидел просто адски. Пожалуй, у нас все началось с ненависти.

В ту же ночь Руслан сделал меня своей собственностью и провел острым ножом по моей щеке. Чтобы никто и никогда больше не повелся на мою красоту, чтобы я больше никогда не смогла обмануть своей внешностью.

Ты помнишь это, любимый? Или больше нет...

Он жестко нажимает на мой шрам, делая больно, а после одним движением разрезает скотч на моих запястьях.

— Руки! Руки покажи!

Командует так страшно, и я протягиваю ему дрожащие руки. Он берет их, поворачивает на свету, быстро ощупывает взглядом.

— Это брак. Уродина со шрамами твой лучший улов?! Ты тратишь мое время, Шамхан!

Удар под дых, нокаут со всей дури.

Уродинкой назвал, хотя раньше ни разу. Сам ведь деньги на операцию давал, чтобы хоть немного убрать последствия пореза. Целовал мой шрам, прощения просил не раз. Все зря, вот что Руслан на самом деле думает.

Глава 6

Савелий Крутой и Гафар (Черная Борода)

— Аллю, Савва, что там у вас происходит? Кто мэр?

— Ничего хорошего. Ты видел новости? У нас теперь вообще мэра нет.

— Видел, охренел, потому и звоню. Все живы?

— Да все, караулю, блядь, как цыплят, далеко не отхожу.

— Офисы забрали, вас попросили культурно, я так понимаю?

— Да, суки мы в жопе, Гафар. Я такого за двадцать лет не припомню. У меня связаны руки, уже не откатить назад, они там быстро расселились. Просто, сука, отжали власть!

— Так, подожди. Фарах рядом? Амину ведь уже вернули домой, давай его обратно посадим в кресло мэра.

— Борода, самого кресла уже нет, ты понимаешь? Фарах публично отрекся от поста, наша партия в жопе. Нас прижали в этот раз так, что дверь закрыта. Еще и пропажа девушек. Они давили на это, мы не вывезли, на этом и погорели. Соответственно, вернуться сможем, только если закроем эту проблему полностью.

— Кто пришел к власти, мы их знаем?

— Да я понятия не имею кто! Просто пиздец какой-то. Единственная зацепка — это Руслан, мать его, Власов, который участвовал в похищении жены Фараха. Все!

— Подожди, Савва, да как это связано?

— Не знаю пока как, но это определенно неспроста. Руслан пропал полгода назад, бросил семью. К его жене и ребенку доступа нет, Шах вроде знает, но не выдаст, где они.

— Так прижми его, мне ли тебя учить.

— Это Шах, Борода, я не хочу его трогать, у меня самого уже дети. Я не могу никем и ничем рисковать!

— Ладно, я понял, извини. Так, ничего. Я пробью по своим каналам, выясню, где Власов может находиться. Что по пропавшим девушкам, вы что-то нашли?

— Нет, ни хуя просто. Они так и продолжают пропадать. Была какая-то завязка, что откликнулась одна на востоке, но это не подтвердилось. Я не знаю, Гафар. Я думал, когда Фараха снесут, это прекратится, но, сука, сейчас этот рассадник просто расцвел пышным цветом.

— Мне кажется, они это сделали специально. Убрали нашу власть, чтобы поставить свою на рельсы и пустить в город всю запрещенку, что только можно.

— Это все понятно, но нам что делать?

— Чезаре не звонили?

— Нет, и я надеюсь, что не позвонят, но мы у них под контролем, в этом даже сомнений нет никаких.

— Собирай тогда семью и уезжай из города, Савва. Прежде всего, они тебя снесли, и если будешь мешать — положат. Пусть остаются Фарах, Ганс и Брандо. Продержитесь.

— Нет, исключено.

— Это опасно для тебя, Савелий. Все же знают прекрасно, кто стоял за Фарахом. Если будешь тыкать им палки в колеса, они уберут тебя. Беги, Крутой, уезжай, забирай жену и детей, можешь у нас перекантоваться.

— Борода, я не брошу свой город! Я никуда не уеду отсюда. Никуда! Хоть, блядь, потоп, хоть наводнение, я здесь. Это мой город!

— Ладно, тогда пойдем по другому: я пробью по Власову, а вы следите за новостями. Скоро они сделают перевыборы и посадят своего человека. Я хочу понять, кто это будет. Будем

отталкиваться от новостей, и да: не прекращай поиски пропавших девушек. Даже если мы больше не у власти, все контакты и зацепки у нас. Там десятки пострадавших. Это важно.

— Хорошо, да, я знаю, до связи.

Крутой, Фарах и Брандо

— Ну что там, пацаны, есть новости?

— Ты бюллетени видел? Савелий, что это за нахер? Я даже имен этих не знаю, кто за них голосовать будет?

— Это чистая формальность, Брандо. Они посадят своего человека. Где этот бюллетень, дай-ка мне.

Пробегаюсь по именам, я их реально не знаю, какие-то левые вообще.

— Так, а это что такое: Мурад Салахов? Есть идеи? Откуда, блядь, они повылазили?

— Что-то знакомое. Вроде видел где-то в документах.

— Фарах, пробей их. У меня уже голова не варит.

— Хорошо. Что-то еще, Савелий Романович?

— Да, сколько сегодня новых жертв?

— Не знаю.

— Фарах, я прибью тебя! Ты должны быть в курсе всего!

— Так ведь я больше не мэр.

— Бывших мэров не бывает, чтоб ты понимал! И ты все еще получаешь зарплату! Я понимаю, что у тебя жена беременная и все такое, но, пожалуйста, ты в Прайде, мы продолжаем работать, даже если у нас забрали мэрию, если у тебя забрали кресло, все равно! Пацаны, если бороться за свое не будем, в пизду город отнимут, вы это вообще осознаете?

— Да понятно.

— Нет, не понятно, Саня! У меня денег нет, Прайд живет только за счет клуба, казино и гения Ганса, который еще как-то умудряется ворочать дела. Хотите получать зарплату и дальше — подрывайте жопы и идите работать!

— Хорошо, принято.

Отпускаю их, закуриваю, откидываясь на диване. Тяжело мне без Фари, тогда все как-то проще было. Он все схемы продумывал, а теперь я один. Да, Гафар помогает, но он далеко, а пацаны молодые. У них опыта нет, еще и следы, чтобы не пристрелили. Семьи уже у всех, дети, и риски выросли в разы.

Я больше не могу делать только то, что мне хочется, не думая о последствиях. Теперь я должен думать не только о своей семье, но и о семьях всех, кто в Прайде, а еще как-то вернуть власть, а это, сука, задачка со звездочкой.

Глава 7

Пользуясь тем, что мои руки стали свободными, быстро вытираю слезы. Мне щеку два раза зашивали, пятнадцать швов сделали из меня уродину, я знаю. Я так стеснялась этого, волосами пыталась прикрывать, но Руслан всегда говорил, что даже внимания не обращает.

Обратил все же. Конечно, вот и правда всплыла, какой же я была идиоткой.

Лучше бы он тогда не щеку, а шею мне порезал. Все равно без наркоза тогда зашивали, штопали по живому, без обезболивающего, но я еще тогда терпела. Жить хотела. Надеюсь, а теперь что?

Он играл со мной или как? Я не знаю.

— Извини, Сабир, не заметил сразу, думал, не видно.

— Это видно. Товар низкопробный, она на хрен такая никому не сдалась!

Кивает в мою сторону, а меня как парализовало. Руслан, если не любишь больше, не люби. Просто дай уйти, я больше никогда тебя не потревожу.

— Что с ней делать-то теперь?

— Ищите любителя. Пойдет со скидкой как брак, — пробасил Руслан, и я тогда я окончательно понимаю: это больше не мой муж.

Это какой-то зверь в его обличье. Отдаленно напоминающий Руслана, но клянусь, это не он. Какой-то чужой, страшный, опасный, безжалостный. Казалось, словно в нем даже кровь стала холодной, ледяной.

— Пошли. Живее!

Нас выводят в коридор, никто меня не спас, чуда не случилось. Мельком я замечаю, как к Руслану из другой части холла подходит какая-то молоденькая блондинка. Она встает на носочки и обхватывает его за шею руками.

Я думаю, он ее оттолкнет сейчас, что-то скажет, но нет. Вместо этого мой муж сдавливает ее задницу руками и впивается в ее губы жадным поцелуем.

Меня скручивает, тошнит, сердце загорается. Стою и пошевелиться не могу, точно застыла.

Эта девушка совсем молоденькая, и она очень похожа на меня.

Не страшный сон, а моя новая реальность. Нас поделили на две группы. Отобранные и так называемый второй сорт, который надо списать. Я попадаю в группу второго сорта, хотя из-за своих шрамов чувствую себя третьим, каким-то последним сортом.

Дальше нас ведут вглубь этого здания, где я вижу нечто отдаленно похожее на старые палаты по обе стороны коридора. Здесь грязно, воняет сыростью, кое-где дует ветер из выбитых окон.

Это не здание, а скорее какой-то забитый тихий монстр, мост в другую жизнь, адская переправа.

Два боевика не отходят от нас, разводят по нескольким палатам. Внутри старые железные кровати с дырявыми пружинами. Сырые матрасы валяются прямо на полу. Ни одеял, ни подушек.

— Пошли! Сели и ни звука!

Точно запуганных птенцов, нас загоняют в угол, и мы жмемся друг к другу, находясь в шоково-истерическом состоянии.

Быстро осматриваюсь по сторонам. Здесь первый этаж, но забор трехметровый, его просто физически не перелезть. Что еще... там были ворота, бойцовские собаки, охрана. Сколько же здесь людей, работает целая бригада, и, судя по всему, они работают сменами.

Сабир, Сабир почему они так называют Руслана? Он Власов, зачем такая кличка?

Дико хочется пить, я прислоняюсь спиной к холодной стене в попытке согреться, но здесь не то что умывальника, здесь ничего просто нет.

— Воды дайте воды, – шепчу тихо, всего на миг прикрывая глаза, а после проваливаюсь во тьму, где все еще было хорошо и я засыпала каждую ночь в нежных объятиях своего мужа.

— А-а! Не трогай меня!

— Не суетись, все равно мясо.

Прихожу в себя от криков и быстро распахиваю глаза. Один из охранников схватил за волосы мою соседку, и та истошно отбивается от него.

— Не трогай ее, урод!

Это было зря, цепкие глаза боевика тут же переводятся в мою сторону.

— А ты борзая! Надо язык тебе отрезать, сука, все равно хуже не станет, хотя можешь тоже поработать ртом.

Он ее отпускает. Резко, внезапно, хватая меня вместо этой девушки.

— Не трогай, пусти меня, нет!

— Заткни пасть, кобыла, пока кости не переломал!

Он вытаскивает меня в коридор, но ноги и так меня не держат. Уже вечер, стало темно, но здесь светят яркие неоновые лампы.

В какую-то секунду мой взгляд цепляется за Руслана у входа, он медленно идет сюда.

— Что здесь происходит, Натан?

— Отдыхаю, не видишь, что ли?

— Кто разрешил?

— Сабир, я заебался за сегодня.

— Я спрашиваю тебя, кто разрешил портить товар? Или хочешь лечь на соседнюю койку с Ринатом?

Этот Натан резко меня отпускает, я падаю на холодный пол. Не могу поверить, что это мой муж. Он просто не похож на себя, у него даже голос изменился.

— Почему тебе можно вдоволь трахать девок, а мне нельзя?

— Потому что я здесь главный, а ты никто! Пошел вон. Еще раз тронешь товар, яйца прострелю.

Натан оскаливается, резко разворачивается и уходит.

— Встать!

Руслан подходит ко мне, близко, еще ближе.

— Что с тобой случилось? – единственное, что получается произнести. Смотрю на своего мужа снизу вверх. Думаю, сейчас Руслан подаст мне руку, прижмет к себе и скажет, что все кончено, но вместо этого он снимает автомат и наводит его дуло мне в голову.

— Ты что, глухая? Я сказал: ВСТАТЬ!

От ужаса сковывает все тело, я быстро поднимаюсь. Мое платье разорвано на груди, этот Натан облапал меня всю просто.

От страха колотит тело, дрожат колени. Между нами автомат, и он точно заряжен патронами.

Мой муж воевал когда-то, но это было очень давно. Дома Руслан никогда не позволял себе такого.

Становлюсь перед ним, дыхание спирает, так хочется воды, невольно облизываю губы.

— Вот, значит, чем ты занимаешься. Я искала тебя. Везде, где только можно! Думала, ты погиб! Тимоша скучал. Я скучала!

Несмотря ни на что, во мне все еще горит надежда мелким фитильком, пылает, как тоненькая спичка. Я не видела мужа полгода, невольно протягиваю ладонь к нему, но Руслан ловит ее еще до того, как я сама коснусь его.

— Не трогай меня!

Между нами оголенный ток, и нервы на пределе. Мы стоим посредине коридора, вокруг куча камер, и Власов до боли сжимает мое запястье своей огромной ладонью.

Сглатываю, усмехаюсь невольно.

— Твоя уродина соскучилась по тебе. А ты?

Он молчит, смотрит на меня так дико. Как зверь на зайчонка перед тем, как растерзать его на части.

— Вижу, ты не скучал, ладно. Руслан, я не знаю, что здесь происходит, но прошу тебя, давай вернемся домой! Мне очень страшно.

Мой муж смотрит на меня всего лишь миг, а после резко отпускает. Так резко, что я едва удерживаюсь на ногах.

— Ты будешь продана клиенту. По скидке – из-за шрамов.

— Что ты говоришь, ты с ума сошел? Это же я, Аля! Ты мой муж!

— Я не твой муж.

— Я тебе не верю. ЧТО ты говоришь! Посмотри на меня, любимый! Я все еще люблю тебя, ты слышишь? Люблю! Я не верю в то, что ты так мог измениться. Руслан, пожалуйста, поехали домой!

Он убирает автомат, закидывает себе на плечо, а после подходит к подоконнику и берет оттуда бутылку водки. Открывает ее и пьет из горла. Несколько больших глотков, после чего его лицо озаряет жуткий звериный оскал.

Он смеется. В голос. Надо мной. Ему же просто смешно. Боже

— Что ты делаешь? Ты слышишь меня?!

— Слышу.

Он вытирает губы ладонью и смотрит на меня как на моль, которая ему мешает.

— И что?! Ответь мне что-нибудь, Руслан! — выкрикиваю, не в силах больше держать это в себе, а мой муж достает сигареты и закуривает, оценивающе смотря на меня. Ощупывает просто мои ноги, бедра, грудь стальным взглядом, а после выдает короткое:

— Я не Руслан.

Глава 8

Мне казалось, я ослышалась, но нет. И резко воздух словно стал густым ядовитым дымом, и я задыхалась в нем с каждой секундой от этой правды. Это точно был мой муж, я не могла ошибиться, вот только внутри него сидел какой-то монстр, тот, кого я совершенно не знала.

— Ты врешь. Я тебе не верю! Что ты задумал, что здесь происходит?

Я на миг теряю тормоза, толкаю Власова со всей просто дури, но это ошибка. В одну секунду этот зверь ловит меня и выкручивает мне руки на спину, больно прижимает к стене лицом.

— Сука я не твой муж – или как ты там называешь! Я не Руслан! Меня зовут Сабир! И ты меня уже достала! Шамхан, уведи ее!

— Я никуда не пойду! С места отсюда не сдвинусь, пока ты мне все не объяснишь! Ты мой муж! И я люблю тебя! Руслан

Он глубоко затягивается сигаретой, а после берет бутылку водки и выпивает ее до дна совершенно без закуски. Затем берет еще одну и тоже осушает ее наполовину.

Словно это вода, словно он привык жить тут вот так. Как на лезвии.

К нам подходит этот Шамхан, он правая рука Руслана, насколько я понимаю.

— Идем!

Этот боевик больно хватает меня за руку и тащит на себя, но Руслан его одергивает:

— Нет. Она со мной пойдет.

— Куда?

— Куда я скажу!

Шамхан отпускает, а Руслан берет меня под руку и ведет вдаль. Один, второй коридор, он заводит меня в помещение, на котором я вижу ржавую табличку “ординаторская”.

— Пошла!

Сильный пинок в спину, и я оказываюсь в комнате, за нами закрывается дверь. В ужасе осматриваюсь по сторонам. Тут условия гораздо лучше. Есть душ, кровать, стол, рация на тумбочке, шкаф. Это его покой. Спальня или что-то вроде того.

— Легла.

— Что, прости?

— На кровать легла, я сказал.

— Ты с ума сошел?! Руслан!

— Я не Руслан! Или у тебя мозги как у улитки?

Он скидывает с себя автомат, идет к холодильнику и берет бутылку коньяка, наливает себе полный стакан и осушает его до дна.

— Хватит пить! Ты сгоришь так! Тимоша скучает по тебе. Мы думали, ты умер. По другой причине ты бы нас не оставил. Я не верю, что это не ты. Хватит, прошу тебя, прекрати! – говорю это, но реакции никакой просто. Он пьянеет, я вижу это по опасному блеску в его глазах.

— На кровать, я сказал, слишком много болтаешь. Посмотрим на другие твои таланты.

— Ты не посмеешь. Ты после свадьбы ни разу меня силой не брал.

Он на это только усмехается, а после передает по рации:

— Пусть Алина зайдет.

Через пару минут в комнату входит та самая блондинка, которую он целовал в коридоре.

— Вы звали, Сабир?

— Да. Иди к хозяину, Алинка.

— Кто это такая, Руслан?

— Или ты, или она. Мне похуй, кого трахать, но, пожалуй, я все же выберу моложе.

Каждое его слово как нож мне в сердце с размаху. Загоняет и прокручивает, тогда как я стою и пошевелиться не могу.

На потолках камеры, на окнах решетки. Бегу к двери, но, предвидя это, Руслан преграждает мне дорогу и закрывает дверь на ключ.

— Что ты делаешь?!

— Можешь присоединиться. Кровать большая. Алина подвинется.

— Да пошел ты! Променяешь меня на эту девчонку?

На это он только усмехается, а после обнимает эту Алину и тащит ее на кровать. Пьяный до такой степени, что едва стоит на ногах. Руслан сдирает с нее майку и штаны вместе с трусами. Сам же только приспускает штаны и подминает ее под себя.

— Ох, Сабир! Сабир!

В этот момент мне кажется, что я умираю. Я вижу, как мой собственный муж занимается сексом с этой девушкой. Он ложится на нее, зажимает собой, широко разводит ее ноги и начинает просто ее трахать, пока Алина извивается под ним и протяжно стонет.

У меня на миг темнеет в глазах, я отхожу еще ближе к двери, хватаюсь за ручку. Слезы стекают по щекам, сердце ломает ребра.

Я не могу, просто не могу на это смотреть. Прикрываю рот ладонью, эта Алина моложе, она без шрамов и так ласково прижимается к нему, тогда как Руслан вколачивается в нее со всей дури и рычит, точно зверь.

У нас не было измен, Руслан никогда бы не смог так со мной поступить, поэтому теперь мои надежды окончательно сдыхают. Это не мой муж, это чужой мужчина, и я совершенно его не знаю. И не хочу знать.

Слезы катятся по щекам, я отворачиваюсь, закрываю уши руками. Чтобы не видеть и не слышать, чтобы не смотреть. Это Руслан, я ошиблась. Это просто какой-то дьявол в облике моего супруга, но это не мой любимый.

— Вы не мой муж... не мой.